

помощью к кому-л.; бороться за жизнь кого-л.; количественного значения – обходить/ обойти за три улицы кого-л.

Предлог с участвует в образовании 32 фразеологических единиц и привносит во фразеологическое значение семантические элементы обстоятельственных пространственных отношений – вернуть с того света кого-л., не слазить с рук у кого-л., обойти с тыла кого-л., перевернуть с ног на голову что-л., сбить с ног кого-л., сбить с рук кого-л., спустить с лестницы кого-л., стереть с лица земли кого-л. и др.; семантические элементы обстоятельственного значения образа действия – брат/ взять с почившим кого-л., выставлять/ выставить с треском кого-л., отпускать/ отпустить с миром кого-л., встречать/ встретить с распластанными объятиями кого-л., пробирать/ пробрать с песком кого-л., сожрать с потрохами кого-л. и др.

Предлог-компонент из образует 19 фразеологизмов и привносит во фразеологическое значение сему объектных отношений «обозначение состояния, которое нарушается, прерывается»: выводить/ вывести из равновесия кого-л., выкручиваться/ выкрутиться из рук у кого-л., выпускать/ выпустить из виду кого-что-л., вырывать/ вырвать из лап смерти кого-л., вытаскивать/ вытащить из беды кого-л., выходить/ выйти из доверия у кого-л., вычеркивать/ вычеркнуть из жизни кого-л. и др.

Предлог до входит в компонентный состав 13 фразеологизмов и привносит во фразеологическое значение сему лимитативного типа объектных отношений «предел, степень какого-либо качества, действия»: доводить/ довести до белого каления кого-л., доводить/ довести до предела кого-л., доводить/ довести до ручки кого-л., изматывать/ измотать до чертков кого-л., любить до гроба кого-л., обирать/ обобрать до нитки кого-л., спорить до хрипоты с кем-л. и под.

Характерно, что трёхкомпонентные формы процессуальных фразеологизмов субкатегории отношения

«глагол + предлог + существительное» отличаются достаточно закреплённым расположением компонентов, предлог в синтаксической структуре фразеологизмов выполняет как бы цементирующую функцию, жестко связывая все компоненты между собой.

Таким образом, предлоги, став компонентами фразеологизма, не остаются прежними по семантическому объёму. В структуре фразеологизма предлоги сохраняют семы некоторых своих лексических значений, обогащая семантическую структуру фразеологизма в целом. В значение процессуальных фразеологизмов субкатегории отношения предлоги вносят чаще всего семантические элементы пространственных значений, в частности, сему «направление движения, действия из одной точки в другую», что соответствует наличию в структуре субкатегориального значения фразеологизмов правой сочетаемости, грамматического объекта.

Список литературы:

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. - 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
2. БАС: Словарь современного русского литературного языка в 17-ти томах. М.-Л., 1965. – Т. 2.
3. БАС: Словарь современного русского литературного языка в 17-ти томах. М.-Л., 1965. – Т. 7.
4. Шиганова Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке – Дис. ... доктора филол. наук. – Челябинск, 2001. – 621 с.
5. Шиганова Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Орёл, 2002. – 54 с.

КОНСТИТУЦИЯ РУССКОЙ ИСТИНЫ: ФОРМИРОВАНИЕ МИРОСОЗНАНИЯ В ТЕКСТАХ «РУССКАЯ ПРАВДА» (1282), «СТОГЛАВ» (1551), «УЛОЖЕНИЕ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА» (1649)

Халина Наталья Васильевна

докт. фил. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного и восточного языкознания, г. Барнаул

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается становление российского мировоззрения – понимания истины-справедливости – в текстах, определяющих культуру нормативного мышления российского социального субъекта как представителя русской когнитивной культуры.

ABSTRACT

The article discusses the formation of the Russian world-consciousness – understanding truth-justice – texts governing the regulatory culture of thinking of the Russian social subject as the representative of the Russian cognitive culture.

Ключевые слова: эпистемология, философия языка, язык права, юридическая герменевтика

Keywords: epistemology, philosophy of language, the language of law, legal hermeneutics

Приступая к реконструкции глубинной структуры русской истории и особой когнитивной структуры представителя русской культуры мировоззрения – Истины (справедливости), необходимо обратить внимание на специфику толкования понятия истины и

объем содержания понятия мировоззрения.

Если избрать в качестве исходного толкования истины избрать предлагаемое авторами «Современного философского словаря», то следует признать, что

истина фиксирует объективное содержание человеческих знаний и определяет границы их совпадения с действительностью, требуя выработки специфических средств ее достижения и проверки [11]. Существо понятия «миросознание» становится более очевидным при его сопоставлении с понятиями миросозерцания и мироощущения. А.Ф.Лосев различает мироощущение (или мирочувствие) и миросозерцание [7]. Мироощущение по преимуществу интуитивно, оно строится на указании свойств предмета: возможность узрения некоторых особенностей предмета и предстает в качестве обоснования-доказательства. Миросозерцание, как считает А.Ф.Лосев, основывается на орудиях рассудочного, анализирующего, выводного, опосредованного характера. Миросознание представляет собой соприкосновение с миром Форм в форме слова, которая является ситуативной реализацией (и постасью) имени. «Имя, — пишет А.Ф.Лосев, — поднимает вещь, которой оно принадлежит в сознание, осмысливает ее — однако не внося решительно никаких иных способов оформления вещи, которые в ней самой содержатся. Оно просто переносит в сферу смысла всю вещь как таковую, со всем ее алогическим содержанием и со всем ее логосом» [7, с.817]. В свою очередь смысл истолковывается А.Ф.Лосевым как бесконечная лестница восхождений и нисхождений от абсолютно алогического к логическому и над-логическому. Смысл оформляется в понятие, которое обретает формы выражения. Последнее делается словом, и только на этом этапе происходит, по мнению А.Ф.Лосева, приближение к подлинно словесной природе.

Итак, если пытаться соотнести понятие истины со словесной природой, то придется констатировать, что истина — это фиксация объективного содержания знания в конкретный момент истории становления человека в определенный словесных конфигурациях, или вербальных пропорциях. Говоря, о конституции русской истины, мы пытаемся размышлять о принципах построения словесных конфигураций, в совокупности создающих русский нарратив — инструкцию по конституированию некой онтологически-артикулированной реальности на основе синтеза отношений.

Исследование синтеза отношений проводится с опорой на тексты, репрезентирующие эволюцию связи «русская истина»: «Русская правда» (1282), «Стоглав» (1551), «Уложение Алексея Михайловича» (1649).

«Русская правда» представляет форму воздействия княжеского указа на юридическую организацию быта: общественный порядок различен для отдельных классов, но опирается на сложившиеся представления о правде и неправде [3]. В «Русской правде», как считают Ф.А.Брокгауз и И.А.Эфрон, изложены нормы с точки зрения личности, обладающей правами.

До известной степени справедливыми признают авторы словаря замечания профессора Дювернуа, относящиеся к Русской правде и Псковской судной грамоте: «Не легко в истории новоевропейского права найти, в столь ранней эпохе, другой пример такого сочетания зрелости форм выражения правосознания, с одной стороны, и, с другой — живой наличности всех факторов, на коих зиждется юридический быт народа, общей воли, общего согласия всех составных частей волости, чувства веры, которым скрепляется для суда,

для сторон сила этих норм, наконец, энергии личного сознания права, которая так видна в готовности сторон и послухов идти на бой за правое дело» [3, с.373]. Однако представляемый уровень правосознания характерен только для Пскова и Новгорода, а не для всей России.

Личное сознание права возможно рассматривать как одну из составляющих миросознания — соприкосновения *persona* (особы) с миром Форм в слове юридического документа. Энергия личного сознания права в таком случае обусловлена смысловой выраженности, проистекающей из предмета, или энергемой. Последняя истолковывается А.Ф.Лосевым как предметная сущность в модусе определенного осмысливания, в модусе явленной, выраженной сущности [7].

В XII-XV вв., в период земского права происходит изменение в правосознании: частные документы — письменные памятники — обращаются в обязательные акты укрепления; общей формой всех сделок гражданского права становится кабала — формальное письменное обязательство, сообщавшее кредитору безусловную власть над отданной в кабалу вещью или личностью. Таким образом, определяется форма инструкций по конституированию некой онтологически-артикулированной реальности — восточно-славянской континуации (некой целостности, связи, являющейся закономерной экспликацией в историческом процессе византийской аксиологии). Это тот случай, когда сознание обусловлено именем и формой [4], что становится основанием для отождествления его с соприкосновением: описание группы имен обуславливает соприкосновение с группой форм при полном отсутствии внешнего вида.

В XVI в. окончательно складывается и укрепляется Русское централизованное государство, чему способствует ряд литературных мероприятий, к числу которых относится и составление в 1551 году «Стоглава». Возбуждение литературной деятельности, как замечают Ф.А.Брокгауз и И.А.Эфрон, происходит в прежнем архаическом направлении, что возможно свидетельствует о ренессансне строевых терминов-понятий, организующих внутренний быт отдельных частей Древней Руси («старина», «пошлина», «обычаи»).

Если новые культурные традиции этого времени оформляются на основе базового византийского идеала, осложненного, по мнению некоторых историков XIX — начала XX вв., воспоминаниями о власти татарской, когда хан даже называем был царем, то соприкосновение лингвистического разума с внутренним бытом оформленного Русского централизованного государства и участие в его организации проходит «под знаком» идеи общественности.

Проводником подобной идеи в «Стоглаве» является его форма — феноменологический диалог. Подобный тип диалога предполагает непосредственный обмен между персональными целостностями, мирами, сохраняющими свои особенности [8]. Возможность понимания обосновывается сходными трансцендентальными структурами и подобием организаций сознания, полнота же понимания может быть обеспечена только знанием специфики языка Другого. В «диалоге» сходных трансцендентальных структур «Стоглава» создается проект социального квази-субъекта,

или, согласно Ю.Хабермасу, «общественности» [12].

Социальный квази-субъект руководствуется ориентацией на коммуникативное поведение, полагающее другого в качестве самодостаточной процессуальности, имеющей своей целью акт самоосуществления. Актуальной становится речевая понимающая коммуникация, которая, по разумению К.-О.Апеля, должна мыслиться в качестве языковых игр, которые являются сферой подлинной реализации не только сущности языка, но и человеческой сущности [1]. Язык в таком случае, определяется как метаинструкция, от которой зависят общественные институты.

«Уложение царя Алексея Михайловича» является фрагментом текстового пространства, правовое содержание которого определяется московским законодательством XV-XVII вв. Границы этого пространства задается параметрами диалогового окна «челобитные – указы, данные по их поводу». Отсутствие челобитной (вопроса) обуславливает отсутствие указа (ответа), что влечет за собой крайнюю неустойчивость московских порядков и необходимость поиска нормы в «иностранным источнике, главным образом в Литовском статуте, а при его посредстве – в римском праве, греческом прохироне и прочее» [3, с.372]. Как отмечают составители словаря, Уложение царя Алексея изобилует такими заимствованиями, особенно отличается в этом плане Глава X, наиболее важная с точки зрения гражданского права. В «Уложении» упоминается, практически вводится особый вид нормы-отношения – сервитуты, которые являются заимствованными постановлениями, а не нормами, выросшими из внутреннего быта России. Сервитут, сервitudine право – право на ограничение собственника в определенном отношении (например, запрещение прорубать из дома окно в чужой двор и пр).

«Русская истина», будучи знаковым объектом, должна быть описана в плане онтологии через категориальные термины Первичность. Вторичность, Третичность, введенные Ч.Пирсом для этой цели [9]. Первичность соотносима с внебытовой психической определенностью: идея Первичного есть глобальное неанализируемое впечатление, мыслимое как простая возможность видимости. Первичность как категориальное понятие, или категория презентации «русской истины», получает свою дистрибуцию в «Уложении царя Алексея Михайловича». Особый интерес в этом плане представляют словесные формулы оглавления:

Кто в церкви же.....

Которой изменникъ.....

Будеть кто такие...

Ратным людям идучи... сотенным головам

Оу кого...

Подобные словесные формы следует поименовать обозначающими фразами (denoting phrases). Под обозначающей фразой Б.Рассел подразумевает фразы, которые могут: а) быть по форме обозначающими, но ничего не обозначать; б) быть обозначающими определенные объекты; в) быть обозначающими неопределенно [10, 2002]. Обозначающая фраза маркирует различие между знакомством с предметом, темой и знанием оного. Обозначающие фразы «Уложения» представляют одновременно некую разметку правового пространства России как государственной системы (не

системы княжеств-государств, а целостной государственной единицы – функциональной модели реальности). Согласно Б.Расселу, если некая фраза является обозначающей фразой, то в ней следует различать смысл и значение. Б.Рассел замечает, что различая смысл и значение, «мы должны иметь дело со смыслом, смысл имеет значение и является комплексом, и помимо смысла нет ничего другого, что можно было бы назвать комплексом и говорить как о том, что имеет как смысл, так и значение» [10, с.15-16].

Смысл уместен, когда в пропозиции, в нашем случае, пропозиции «русской экзистенции», встречается обобщающая фраза. «Когда существует нечто такое, с чем мы не имеем непосредственного знакомства, но знаем только по определению через обозначающую фразу, – замечает лидер аналитической философии Б.Рассел, – то пропозиции, в которые эта вещь вводится посредством обозначающих фраз, на самом деле не содержит эту вещь как конституенту, но вместо этого содержат конституенты, выраженные несколькими словами обозначающей фразы» [10, с.21].

Через обозначающую фразу в «Уложении» вводятся нормы «государственного», или телесогласного правосозерцания. «Русская пропозиция», как и внутренний быт, не содержит эту норму, но содержит конституенты: недифференцированные «кто», «который», заменяющие встречающиеся с древнейших времен в литературных и законодательных памятниках переводные термины «лицо» (с греческого πρόσωπον) и «особа» (с латинского persona). Причем первый термин, как отмечают Ф.А.Брокгауз и И.А.Эфрон, означает отрицание достоинства лица, один из видов рабства. Таким образом, соблюдается требование, касающееся понимания пропозиции: в каждой пропозиции, которую нужно понять, все конституенты должны быть сущностями, с которыми понимающий (принимающий российскую государственность «на веру») имеет непосредственное знакомство. «В таком случае мы знаем свойства вещи, не имея знакомства с самой вещью, и, следовательно, не зная ни одной пропозиции, в которой эта вещь была бы конституентой» [10, с.22].

Вторичность как категориальное понятие, или категория презентации «русской истины», выражает факт актуального существования. Сущность Вторичности заключается в реакции, взаимном взаимодействии двух вещей независимо от посредника или закона действия. Вторичность получает свою дистрибуцию в «Стоглаве».

Анализируя «Стоглав», уместно говорить об онтологическом обязательстве дискурса [6], которые для онтологического пространства культуры XVI в. (системы культурных образцов) возможно свести к следующему: истинность или ложность квантифицированного высказывания частично зависит от того, что область к которой применимы фразы ‘некоторая сущность *x*’ и ‘каждая сущность *x*’, так называемую область значения переменной, мы считаем областью сущностей [6, с.99-100]. Квантификация производится при участии квантоворов ‘паррессия’ и ‘симфония’. Паррессия означает «свободоречие», право говорить перед Богом и людьми без робости и смущения, это обретение исконного человеческого первородства. Симфония

– требуемое в официальной византийской идеологии согласие государства и церкви, императора патриарха.

Кванторы ‘парресий’ и ‘симфония’ означают ‘существует некоторая сущность x такая, что’ и ‘каждая сущность x такова, что’, иначе: существует некоторое мысленное состояние, порождающее изменение связи между предметами – нормального отношения, и каждое мысленное состояние обладает «кодом»-языком, обеспечивающим его участие (возможность принимать участие) в построении функциональной модели реальности. Б. И. Болотов утверждает, что нормальные отношения представляют собой истинные отношения между элементами целого, которые не даны в ощущениях, но традиционно проявляются в форме обычных функций [2].

Норма, в таком случае, представляет собой пределы, в которых вещь традиционно функционирует; она не объясняет факты, а демонстрирует их. Изменение нормальных отношений как следствие существования некоего мысленного состояния маркируется квантором ‘парресия’, участие в построении функциональной модели реальности квантором ‘симфония’. Функциональная модель реальности – это, в соответствии с исследовательской позицией М. Евзлина, системное единство, информация, которая становится реальностью в тот момент, когда получает идеально-информационное оформление. «Объем информации, – считает М. Евзлин, – соответствует «объему» сознания, которое в свою очередь, является необходимым условием «свободы». А посему свобода может быть определена как информация, синтезированная сознанием» [5, с. 207].

В «Стоглаве» создается теория квантификации, которая, по утверждению У. В. О. Куайна, создает язык на котором говорят о конкретных объектах определенного порядка. В этом языке предикатные буквы – элементы «русской пропозиции» – связываются с идеей, что эти буквы должны в качестве значений допускать объекты латинизированного мира. Подобный язык, согласно У. В. О. Куайну, имеет два вида связываемых переменных, а именно старые индивидуальные переменные и переменные с особым показателем, классифицирующим их принадлежность к объектам класса некоторого порядка [6], отличающегося особым типом отношения – нормы свободы сознания, которая демонстрирует смысл (комплекс значений) совокупности фактов и «положения дел», из которых складывается

повседневная реальность – внутренний быт – «особы» – человека, гражданина Российского царства.

Основное содержание третичности как категории презентации «русской истины» заключается в присущем ей ментальном элементе, обнаруживаемом в любом триадическом отношении. В Третичности Ч. Пирсом связываются понятия опосредования, регулярности, закона и непрерывности. Дистрибуция третичности осуществляется в «Русской правде».

Список литературы:

1. Апель К.-О. Лингвистическое значение и интенциональность: Соотношение априорности языка и априорности сознания в свете трансцендентальной семиотики или лингвистической прагматики // Язык, истина, существование. – Томск: изд-во Том. ун-та, 2002. – С.204-224.
2. Болотов В.И. Проблемы эмоционального воздействия текста. Дисс. ... на соискание уч. степ. доктора филологических наук. – Ташкент, 1985. – 325 с.
3. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Россия. Иллюстрированный энциклопедический словарь. – М. : Изд-во Эксмо, 2006. – 704 с.
4. Дхаммапада. Памятники литературы народов Востока.. – М.: Bibliotheca Buddhica XXXI. Издательство восточной литературы, 1960. – 120 с.
5. Евзлин М. Космогония и ритуал. – М. : Издательство «Радикс» – 1993. – 337 с.
6. Куайн У.В.О. С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – 166 с.
7. Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. – М.: Мысль, 1995. – 958 с.
8. Майборода Д.В. Постмодернизм: Энциклопедия. Мн.: Интерпресссервис, 2001. – 1040 с.
9. Пирс Ч.С. Логические основания теории знаний. – Санкт-Петербург : Лаборатория метафизических исследований при философском факультете СПбГУ:Алтейя, 2000. – 352 с.
10. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 2000. – 464 с.
11. Современный философский словарь. Под общей ред. В.Е. Кемерова. – Москва-Бишкек-Екатеринбург, 1996. – 608 с.
12. Habermas J. Knowledge and Human Interests. – Boston: Beacon Press, 1971.

ОБРАЗ ЧИТАТЕЛЯ В ПРЕДРОМАНТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ Н.М. КАРАМЗИНА «ОСТРОВ БОРНГОЛЬМ» (1793)

Шипицына Наталья Владимировна

Аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы, Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

АННОТАЦИЯ

Чтобы проследить развитие образа читателя от сентиментализма к романтизму, мы обратились в данной статье к предромантической повести, имеющей пограничный характер между произведениями данных направлений. В результате исследования пришли к выводу, что фигура автора в предромантической повести изменяется, а вместе с ней изменяется и фигура читателя.

Ключевые слова: образ читателя, автор, сигналы для читательского восприятия, повесть, предромантизм.